

Инандж Этибар Сафтар оглу

СЛОВА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ "ЧЕРНЫЙ" И "КРАСНЫЙ" В СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье объектом анализа являются слова цветообозначения "черный" и "красный", в основном на материале славянских и тюркских языков. Семантика цветообозначений "черный" и "красный" бинарна и состоит из двух сем: положительный и отрицательный. Слова цветообозначения "красный" в различных фоно-семантических вариантах, как в славянских, так и в тюркских языках, возводятся к семе "красивый", "прекрасный", "великолепный" и т.п. Но данное цветообозначение восходит к понятию огня, пламени, искры. Форманты слов к р а с н ы й, ч е р н ы й, ч е р е м н ы й и тюрк. к а р а "черный", к у р е н "рыжий", к ы з ы л "красный" гомогенны и восходят к архетипу *каг- (~*qar~*har~*xar~*?ar...). Прототипы данного архетипа зафиксированы в урало-алтайских и индоевропейских языках. Фоно-семантическая близость относительно больше между славянскими и тюркскими языками.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. III. С. 86-92. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/4-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 81-112

Филологические науки

*В настоящей статье объектом анализа являются слова цветообозначения «черный» и «красный», в основном на материале славянских и тюркских языков. Семантика цветообозначений «черный» и «красный» бинарна и состоит из двух сем: положительный и отрицательный. Слова цветообозначения «красный» в различных фоно-семантических вариантах, как в славянских, так и в тюркских языках, возводятся к семе «красивый», «прекрасный», «великолепный» и т.п. Но данное цветообозначение восходит к понятию огня, пламени, искры. Форманты слов к р а с н ы й, ч е р н ы й, ч е р е м н ы й и тюрк. к а р а «черный», к у р е н «рыжий», к ы з ы л «красный» гомогенны и восходят к архетипу *kar- (~*qar~*har~*xar~*čar~...). Прототипы данного архетипа зафиксированы в урало-алтайских и индоевропейских языках. Фоно-семантическая близость относительно больше между славянскими и тюркскими языками.*

Ключевые слова и фразы: цветообозначение; архетип; прототип; сема; предмет-эталон; гомогенный; бинарный; ностратика.

Инандж Этибар Сафгар оглу, к. филол. н., доцент

Национальная академия наук Азербайджана

Институт языкознания, отдел теоретического языкознания

etibar-inanc@mail.ru

СЛОВА ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ «ЧЕРНЫЙ» И «КРАСНЫЙ» В СЛАВЯНСКИХ И ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ[©]

Известно, что слова цветообозначения входят в древнейший пласт лексического фонда языка. Вникая вглубь истории словарного состава любого языка, количество слов, в том числе, цветообозначений, уменьшается, а многозначность увеличивается. Например, в языках некоторых племен, даже в современном мире, существуют всего три цветообозначения: черный, белый и красный. Аристотель говорил о трехцветной радуге: красный, желтый и зеленый. Древние периоды современных языков характеризуются заметным колебанием названий темных спектральных цветов и большой неопределенностью в обозначении разных их оттенков. Согласно гипотезе Б. Берлина и П. Кея, все языки имеют термины, обозначающие белый и черный цвета. Таким образом, минимальное количество цветообозначений в языке – два. Авторы приводят данные о современном языке, различающем лишь черный и белый цвета: это язык [Jale], принадлежащий к трансновогвинейской филе, распространен в области Ириан-Джая (Индонезия) [2, с. 23]. Б. Берлин и П. Кей разрабатывают следующую схему развития основных цветообозначений: сначала появляются названия белого и черного цветов (вернее, макро-белого и макро-черного, зона значений которых значительно шире, чем в более развитых системах основных цветообозначений), затем к ним добавляется название красного цвета, затем – зеленого и желтого, затем – синего, и затем – коричневого [Там же, с. 24].

Исследователи, руководствуясь лингвистическими фактами, пришли к выводу, что греки в эпоху Гомера и даже современники Пифагора и Ксенофона, жившие в VI в. до н.э., вовсе не отличали зеленого цвета от синего. Существовало предположение, что многочисленные народы, почти во всех частях света, «зеленый» и «синий» обозначают посредством одного и того же слова [19]. Например, древнетюркское **гөк**, помимо исходного значения «небо», оттуда – «синева» (неба), в современных тюркских языках, кроме цветообозначения «голубой», «синий», «лазурный», имеет также значения «зеленый», «зелень, трава», «серый», «багровый», «черный» [12, с. 66-67], несмотря на то, что во все времена существовало слово **йашыл** / **йашыл** / **йешил** / ... «зеленый», который возводится к корню **йаш** «свежий, зеленый» [21, с. 164-165]. В диалектах русского языка **голубой** обозначает «желтый» (в цвете птиц), «пепельный», «серо-дымчатый с белым», «черный с белым серебристым», «светло-синий, лазоревый, ярко-небесного цвета», укр.-блр. **голуба** (о корове) «красная с белыми пятнами» [8, с. 23]. Без сомнений, подобные примеры существуют во всех языках.

Исторические фоно-семантические изменения в словах, в том числе цветообозначения, дают богатый фактический материал для сравнительно-исторических, историко-сравнительных исследований отдельно взятого языка, языковой группы или семей, а также неродственных языков в ностратическом плане.

Ниже будут проанализированы цветообозначения «черный» и «красный» на материале индоевропейских и алтайских языков сопоставительным, описательным, сравнительно-типологическим методами.

В. И. Шерцль, в свое время, писал: «Черный и красный цвета, насколько мне известно, нигде не обозначаются одинаково, через одно и то же слово. Но в некоторых языках явно звуковое сходство названий этих двух цветов свидетельствует о происхождении их от одного общего коренного комплекса» [19]. Но, к сожалению, примеры в доступном материале отсутствуют. Сказанное явно прослеживается на нижеследующих фактических материалах индоевропейских и алтайских языков.

М. Фасмер русск. **чёрный**, укр. **чорний**, блр. **чорны**, сербо-хорв. **црн**, словен. **črn**, польск. **czarny**, полаб. **сáгпе** «черный» и др. возводит к праслав. ***сьгнь** из ***сьгхпъ** и последнего считает родственным

лит. **Kirsna** – название реки, **kéršas** «черно-белый, пятнистый», **kéršé** «корова-пеструха», **karšis** «лещ», **kiršlys** «хариус», шв., норв. **harr** – то же (прагерм. *harzu-) [16, с. 346]. Почти такого же мнения П. Я. Черных. Он в этот семантический ряд добавляет др.-русс. (с XI в.) **чернь**, **чёрный** «темнокожий», также «незначительный», «тяглый», **чёрнота**, **чёрнь** – «чёрнота» и «простой народ» [18, с. 383]. Последние значения в других индоевропейских языках не зафиксированы. Безусловно, они составляют параллель с бинарной семой тюрк. **кара**, которое помимо цветообозначения, также употребляется в положительных: «могущественный», «великий», «сильный», компонент имен собственных из династии Караханидов **Qara Baqši**, **Qara Buqa** и др., планета Юпитер, и в отрицательных значениях: «тёмный, тьма, мрак», «злосчастный, злополучный», «плохой, скверный», «галлюцинация», а также: «обыкновенный», «масса, толпа» – семантическая контаминация [5, с. 422-423; 21, с. 286]. Языковой материал показывает, что цвет – это, прежде всего, аксиологический феномен, выступающий оценочным маркером, который позволяет человеку ориентироваться в окружающем мире. Оценочный потенциал семантики цвета раскрывается в разных сферах деятельности человека; когда функционирование цвета переносится в какую-либо из них, семантика цвета наращивает символические смыслы [4, с. 71]. Необходимо подчеркнуть, что сема древних цветообозначений черного и красного цветов бинарна и отражается в двух полярных семях: положительно и отрицательно.

Слово **кара** в тюркских языках (др.-тюрк. и монг. включительно), в различных фонетических вариантах: **qara**, **кайа**, **qa** ; **кора**, **хара**, **хура**, **хар** и др., в первую очередь обозначает «черный», «темный», помимо значений «большой», «крупный», «главный», «великий», «сильный», «толпа», «войско», антонимичные – «мрачный», «печальный», «несчастный», «гадкий», «низкий», «злой», пространство – «север», «широкий», «земля, суша» [9, с. 161-170]. В. М. Иллич-Свитыч прототипам – алт. **karä** «черный», и.-е. **ker-**, **ker-s-** «черный, темный» ~ драв. **kar** / **kār** / **kāṛ** «черный, темный» приводит параллели из др.-инд. **kardamas** «ил, грязь», персид. **čardeh** «черноватый», греч. **καρμῖόν** «черный», др.-в.-н. **horo** «грязь», др.-сканд. **horr**, **harr** «зола», др.-прусс. **kirsan**, ст.-слав. **ѣрънь** (< *kr-sno-) «черный» и реконструирует ностратический архетип **kap/ä/** «черный, темного цвета» [7, с. 337-338]. В этот ряд следует добавить русск. **карий**, укр. **ка́рий** «чёрный, темный», др.-русс. **карый** «черный» – из тур., тат. и др. **кара** «черный» [14, с. 199].

В этимологическом словаре славянских языков говорится, что праслав. ***ѣрънь** представляет собой архаическое цветообозначение, сложившееся еще в дославянскую эпоху. Оно может восходить к и.-е. ***kirno-**. Сюда некоторые языковеды относят форму болг. **чер** «черный», объясняя ее из ***ѣрънь**. А некоторые исследователи обращают внимание на отсутствие древнего слова со значением «черный» в большинстве и.-е. языков. Они предполагают, что это связано с мотивами табуистического запрета [20, с. 156].

Исходя из известного широкого фоно-семантического варьирования слов цветообозначения в разносистемных языках, вышеприведенные примеры из алт. **кара** / **qara** / **хара** / **хура** / ... , драв. **kar** / **kār** , и.-е. **kardamas** / **καρμῖόν** / **kéršas** / (< *kr-sno-) / **čardeh** / ***ѣрънь** / **čřn** и др. дают нам полное основание в этот ряд ставить соответствующие параллели-полисеманты из славянских языков, со значениями «прекрасный», «красивый», «великолепный», «пригожий», и т.п.: русск. **красный**, укр. **красний**, **гарний**, ст.-слав. **красьнь**, болг. **красен**, сербо-хорв. **красан**, **красна**, словен. **krasan**, чеш., слвц. **krasny**, польск. **krasny**, в.-луж. **krasny**, **krasa**, лит. **grōžis** «красота», **gražūs** «красивый» и др., которые М. Фасмер возводит к русск., укр., блр., ст.-слав., болг., сербо-хорв. **краса** «змея» (эвфемизм), чеш., польск., слвц. **krasa** «красота», в.-луж. **krasa**, н.-луж. **ksasa** «великолепие» и предполагает родство с др.-исл. **hrosa** «хвалится», нов.-исл. **hros** «слава», далее – др.-исл. **hrodr** «слава», гот. **hrōþeigs** «победоносный», др.-в.-н. **hruom** «слава». Далее М. Фасмер ссылается на Махека, который сблизил **краса** с лит. **grōžis** «красота», **gražūs** «красивый», предполагая древнее колебание глухой/звонкий [14, с. 367-368].

Энантисема наблюдается между вышеприведенными словами, которые являются производными прототипов **kr** / **gr** / **hr** и нижеследующими примерами в соответствующей статье М. Фасмера относительно русск., укр., болг., сербо-хорв., ст.-слав. **гроза** «трепет, ужас», словен. **groza**, чеш. **hrůza**, слвц. **hroza**, польск. **groza**, в.-луж. **hroza**, представляемые как родственные с лит. **gražóju**, **gražoti** «грозить», лтш. **grēzuôt** «грозить, сердиться», далее он приводит параллели – греч. **γορυός** «страшный, ужасный», **Γορυο** «ужасный призрак», ирл. **garg**, **gargg** «суровый, дикий», **grāin** «безобразие» [13, с. 459]. В фоно-семантическом аспекте греческие и ирландские варианты ближе стоят тюркским, например, азерб. **qorxu** «страх», **qorxu(-lu)** «страшный, ужасный», **qarğış** «проклятие», **qara (basmaq)** «галлюцинация», параллели которых достаточны в других тюркских языках.

Фоно-семантические варианты прототипа **kr** / **gr** / **hr** с инициальным **ч-**: ст.-слав. **чръвень**, др.-русс. **чръвень**, русск. **червлёный**, болг. **червен**, сербо-хорв. **црвен** «красный», чеш., слвц. **červený**, польск. **czzerwony** [16, с. 334-335], русск. **чермный** «красный» (< **Чермное море** «Красное море»), цслав., народн. **черёмный** «рыжеволосый», др.-русс. **чърмень** «красный, рыжий», ст.-слав. **чърмень**, др.-сербск. **чрман** «красный» и др., которые М. Фасмер считает производными от праслав. ***ѣръмь** «червь», словен. **črm** «карбункуль, червь», др.-чеш. **črv** «червь, личинка червя» и родственными лит. **kirmis** «червь» (ср.: азерб. **qırmızı** «красный», туркм. **гырмызы** – то же – Э. И.), авест. **kərəmi-** , нов.-перс. **kirm**, алб. **krimb**, ирл. **cruim** «червь» [Там же, с. 344]. Надо отметить, что в персидском языке для обозначения красного цвета, кроме исконно перс. [sorχ], употребляется и [qermez] непосредственно заимствованное из вышеуказанных тюркских языков. Данное слово образовалось формантом **qer-**, который является фоно-семантическим вариантом нижеследующих прототипов.

Согласно теории звукочередования согласных, можно с уверенностью сказать, что рассматриваемые выше слова являются фоно-семантическими производными гомогенных прототипов **kar* / **qar* / **kor* / **qor* / **kir* / **qir* / **kr* / **xar* / **xor* / **har* / **hor* / **čor* / **čer* / **čr* / ... в разносистемных языках и восходят в одно этимологическое словообразовательное гнездо архетипа **kar*, в котором исторически произошло инициальное звукочередование *k ~ q ~ h ~ x ~ č*. Данное звукочередование явно прослеживается между сербо-хорв. **красан**, **красна** «великолепный», в.-луж. **краса** «великолепие», англосак. **hār**, др.-в.-н. **hēr** «достойный, величественный», ирл. **ciar** «темный», др.-русс. **чърнота**, **чърнь** «чернота», «простой народ», также личное имя собств. **Чернь** (XI в.) [Там же], сербохорв. **црноглав** «название птицы», мужское личное имя собств. «черноголовый» [20, с. 157], которые параллельны с общетюрк. **кара** – детально проанализировано А. Н. Кононовым [9, с. 161-170].

М. Фасмер, говоря о русск., укр. **хороший**, **хорош**, блр. **харашыцца** «хвастать, чваниться», др.-русс. **хорошь**, наиболее вероятным предположением считает происхождение из сокращенной формы на **-шь** от **хоробрый**. Но, почему-то с сомнением относится к сближению с укр. **харний**, **гарний** «красивый, хорошенький», или же сближением с вост.-осет. **xorz** «хороший» [16, с. 267]. В это ряд надо добавить русск. **храбрый**, **храб(ёр)**, **храбра**, **храбро**, которые М. Фасмер считает заимствованным из цслав., при исконно-русс. **хоробрый**, ст.-слав. **традрь** [Там же, с. 273]. Можно предположить, что этноним **хорват** – др.-русс. **хървати**, сербо-хорв. **хрвѣт**, ср.-греч. **Χρῶβατία**, др.-чеш. **Charvaty** – название области в Чехии, серболужицкое племенное название **Chruvati** тоже восходит к прототипу с положительными понятиями, типа «храбрый», «достойный», «хороший» и др. Предположение М. Фасмера о том, что данный этноним является заимствованием из др.-ир. **(fsu-)haurvatā* «страж скота», авест. *pasu-haurva-*: *haurvaiti* «стережет» [Там же, с. 262] ни по каким параметрам не оправдывается. Перечисленные слова являются производными рассматриваемого в этой статье прототипа **xar-* / **xor-* / **qar-* / ..., которые можно характеризовать как ностратизмы. Надо отметить, что при сравнении рассматриваемых производных, с фоно-семантической точки зрения, наблюдается больше близости между тюркскими и славянскими вариантами. Форманты **хор-** / **хар-** / **гар-** / **хр-** / ... – в рассматриваемых выше славянских словах гомогенны с тюркскими словами **гүр** / **гур** / **хүр** / **күр** / **һүр** / **кёр** / **кёрё** «высокий», «смелый», «отважный» [12, с. 106], азерб. **qür-(ur)** «гордость, величавость». Безусловно, в этот ряд входит русск. **гордый**, укр. **гóрдний**, ст.-слав. **грьдь**, которых М. Фасмер сравнивает с болг. **грьд**, сербо-хорв. **грд**, **ѓрда**, словен. **gřd** «гадкий», чеш., слвц. **hrdy**, польск. диал. **gardy**, в.-луж. **hordy**, н.-луж. **gjardy**. Он считает возможным сохранить сравнение с лат. **gurdus** «тупой, глупый» [13, с. 440]. Подобная бинарность известна и в тюркских языках. Например, др.-тюрк. **alčaq** «скромный», «смирный», «кроткий» [5, с. 34], в современных тюркских языках (за исключением туркм., тат. диал., баш. «приветливый», «любезный», «радушный», «гостеприимный», «ласковый», «вежливый» – с положительными значениями – Э. И.) имеет значения «низкий», «подлый», «негодяй», «подлец» [11, с. 143-144].

Туркм. **кыр**, азерб. **qır**, тур., тув., сог., койб., шор., осм. (в составе **kir at** «белая с черными пятнами» [о масти лошади], **kir kişi** «пожилой человек с седыми волосами и бородой»), хак., тув. **хыр**, кыз. **хер** обозначает: 1) серый, темно-серый, светло-серый, чалый, черный с серым оттенком; караковый – др.-тюрк. «светлогнедой»; иргеневый – тув.; 2) грязновато-белый – тур., хак. [22, с. 231]. Помимо этих значений, др.-тюрк. **qırgu**, с формантом **qır-**, означает «розовый, румяный» [5, с. 446], а азерб. **qır** употребляется в значении «кир» – род асфальта, смола, смешанная с песком для покрытия крыш домов, особенно на Апшеронском полуострове, Баку – включительно, из-за добычи нефти с древних времен на этой территории. Русский вариант – **кир** заимствован из тюркских языков [14, с. 236]. Все слова в данном разделе, безусловно, являются фоно-семантическими вариантами общетюрк. **kara**.

Историческое закономерное звукочередование *r ~ z* в аусллауте архетипа **kar* / **kir* / ... способствовало образованию коренных морфем **kaz* / **kız* / ... в тюркских языках. В. Г. Егоров чувашскому **хёрлёр** «красный», «алый», «румяный», «рыжий» приводит параллели из других тюркских языков: кирг., каз., к.-калп., ног., тур., тат., башк., алт., тув. **кызыл**, узб. **кизил**, азерб., туркм. **гызыл**, хак. **хызыл**, якут. **кыһыл** «красный». Он рассматривает данное слово производным от глагола **хёр-** ~ тюрк. **кыз-** «накаливаться» [6, с. 299]. Фитоним русск. **кизил** (красные ягоды «Cornus») является тюркизмом [14, с. 230].

Слово **кызыл** в тюркских языках обозначает, в основном, «красный», «рыжий», «красивый», за исключением современного азерб. **qızıl** и туркм. **қызыл**, которые, в основном, означают «золото», «золотой», реже – «красный», например, азерб. **Qızıl meydan** «Красная площадь», **Qızıl bayraq** «Красное знамя». Позиции Г. Рамстедта и Н. Поппе, которые сравнивали тюрк. **qızıl** с монг. **kiraga** «начало рассвета; красные полосы на небе, вечерняя заря» [23, с. 196] и позиция В. Г. Егорова относительно рассматриваемых выше слов, более близки к точной денотации. Так как для древнейшего человека предметом-эталоном цветообозначения, безусловно, в первую очередь, был окружающий его мир: вселенная, вся земля, включая животный и растительный мир, природные явления, предметы и пр. Например, тюрк. цветообозначение **көк** / **göy** / ... «синий» восходит к слову «небо». В лексическом составе современных языков существуют слова цветообозначения фитонимического происхождения, например, **розовый**, **оранжевый**, **ореховый**, **кофейный** и т.п.

Известно, что огонь для первобытного человека считался первоначальной стихией и непосредственным источником жизни. Его обожествляли (на Кавказе, Средней Азии, в древней Греции и Риме, в Индии, в современном мире у племен майя), строили святилища. Неслучайно, что очаг (> тюрк.-азерб. **осақ** «костер, топка») имеет также значения «жилище», «родное пепелище», «очаг». Как указывают некоторые исследователи, по мере накопления опыта, у человека возникают устойчивые ассоциативные цепочки, например:

красное > *огонь* > *горячо* [3, с. 81-82]. Точнее и логичнее представляется следующая последовательность: *солнце* ~ *огонь* > *горячо* ~ *тепло* > *красное*. Именно огонь, зола способствовали формированию понятий и обозначений жары, тепла, отсюда – красного цвета и его спектра (багровый, пурпурный, розовый, желтый и др.), хотя М. Фасмер значение «красный» считает вторичным по отношению к «красивый, прекрасный» [14, с. 367-368], такого же мнения Н. Б. Бахилина [1, с. 162]. К данному вопросу С. В. Кезина подходит объективно: «Имеющиеся факты по различным языкам говорят обратное. Компонентный анализ цветообозначений показывает, что в разных индоевропейских языках, в ранний период их развития, был единый предмет-эталон цветоименования. Семные цепочки, составленные благодаря аддитивному методу к разным цветообозначениям, повторяют набор сем: –белый” – чёрный” – серый” (–пепельный”, –седой”, –дымчатый”) – –желтый” – золотой” – –голубой” (–синий”, –бирюзовый”) – зелёный” (–оливковый”) – –красный” (–багряный”, –багровый”, –рыжий”, –огненный”, –алый”, –пурпурный”, –ирисовый”, –румяный”) – –коричневый” (–карий”, –каштановый”, –ореховый”, –кфейный”) – –острый” – –хороший по каким-либо качествам” – –похой по каким-либо качествам”. Данный семантический диапазон цветовых лексем позволяет предполагать, что древнейшим (первичным) предметом-эталонном цветоименования был огонь (очаг). Вероятно, рядом с огнём по значимости для человека можно поставить кровь» [8, с. 27]. Утверждением сказанного являются русск. **огненно-красный**, **огненно-рыжий**; тюркизм в русском языке **алый** [13, с. 73], восходящее к др.-тюрк. **al** «алый, ярко-красный, светло-красный, оранжевый»; «карий (о глазах)» [5, с. 31], к которому, безусловно, восходят азерб. **alov**, тур. **alev**, узб. **олов**, каз. **алау** и др. – «пламя, огонь».

Производные архетипа ***kar** / ***kr** / ... в разносистемных языках тоже являются подтверждением вышесказанному.

В. Асланов¹ на материале азербайджанских топонимов, этнонимов, бытовой лексики, слов цветообозначения, в фоно-семантическом аспекте, реконструировал гомогенные морфемы **qar-** / **qor-** / **qur-** / **qır-** / **kor-** / **kür-** / **gör-** / **xör-** / **hör-**, согласно чередованиям **q ~ k ~ x ~ h** в инициале и **r ~ z ~ ğ ~ v** в ауслауте. Производные этих морфем непосредственно связаны с цветообозначением **qar-(a)** «черный», **qar-(ğa)** «ворон», с огнем, теплом и цветом огня – красным цветом. Например, **kür-(ə)** «горн», «печь», «топка», «очаг», **kür-(k)** «шуба», **qor** «горящие, тлеющие крупинки угля; горящая зола», **xör-(ə)** «блюдо, кушанье – приготовленное на огне», **qov-(ur-maq)** «жарить», **qıĝ-(ıl-cım)** «искра», **qız-(ma)** «нагрев», **qır-m-(ız-ı)** «красный» [24, с. 63-65]. Следовало бы в этот ряд добавить и **qız-(ar-maq)** «краснеть, покраснеть», **qız-(ar-tı)** «краснота, румянец, багрянец», **kürān** «пекарня» [10, с. 1451], **kürük** = **körük** «мех» (т.е. «теплота» – Э. И.) [Там же, с. 1454].

Общетюрк. **күрен** в различных фонетических формах (**kürən**, **gürən**, **keren**, **körān**, **gүren**, **хүрен**, **күрүн** и др. означает: «рыжий», «коричневый», «карий», «бурый», «темно-красный», «фиолетовый» и др.). Часто употребляется как эпитет осени – **күрең күс** «золотая осень». Производящая основа **күрең** – ***күр-** представлена в производных словах разных алтайских языков. Помимо **күрен** и его фонетических вариантов, к ней, вероятно, восходят тув. **күрлөнъ** «карий», тув. **хүргүл** (< **хүр** + **гүл**) «бурый», где **хүр** восходит к бур. **хүри(н)** «коричневый, бурый». Некоторые исследователи сравнивают тув. **xürgül** < ***kür** + **gül** с **küz** «осень», считают, что чув. **кёрен** «розовый», по всей вероятности, заимствовано из монгольского посредством татарского языка и подчеркивают, что рассматриваемое выше слово распространено в финно-угорских и иранских языках [22, с. 145-146]. Формант **күр-** в различных фонетических вариантах является древнейшим цветообозначением, связанным с желтым, коричневым цветами растительного мира в осенние времена и неслучайно, что её **p ~ z** вариант **күз** обозначает «осень».

Производные рассматриваемого выше архетипа (***kar-** / ***kor-** / ***kur-** / ***kr-** ***qar-** / ***qor-** / ***qur-** / ***qır-** / ...) в значениях «огонь», «жара», «тепло», а также цветообозначения, восходящие к цвету огня, пламени – «красный», «желтый», «золотистый» и др., встречаются в разносистемных языках. Например, русск. **гореть**, со славянскими параллелями: болг. **горя**, словен. **goreti**, **hořeti**, араб. [**har**] «горячий», [**har-arat**] «жар, жара, тепло». Предыдущие славянские слова М. Фасмер считает родственными лит. **gariu**, **garėti** «жечь, вспыхивать от гнева», др.-инд. **ghr̥ṣ̥ti** «светит, пылает», **haras** «жар», др.-ир. **gorim** «грею», др.-прусс. **gorme** «жара» и др., и в этот ряд ставит русск. **горе**, **горн** и **горький** [13, с. 441-445]. Это безусловно так, но есть все основания в этот же ряд ставить русск. **курить**, ст.-слав. **коурити**, болг. **курна** «зажигая», сербо-хорв. **курити**, словен. **kūrīti** «топить, отапливать», которые М. Фасмер считает родственными с лит. **kurti**, лтш. **kurt**, **kuru** «разжигать, топить», гот. **hauri** «уголь», др.-исл. **hyrr** «огонь» [14, с. 425-426], но не сравнивает с русск. **гореть**, с соответствующими параллелями.

С турк., тур., азерб. **көз**, лоб., хак., тув., тоф. **көс**, хак. диал. **көш** 1) «горящий или тлеющий уголь, жар» – все источники; «зола, в которой находятся маленькие куски горящих углей»; 2) «искра»; 3) «луч» – многие исследователи восстанавливают праформу ***көз**. Некоторые исследователи объединяют чаг. **küz** (**küjüz**) «горящий уголь» и глагол **küj-**, **güj-** «гореть», возводят **көз**, **kömür** «уголь» к глагольной основе ***кө-**, представленной в **kön'-** ~ **kön-** ~ **köy-**² «гореть» [22, с. 85]. В Этимологическом словаре тюркских языков указывается на генетическую связь между **кө:з** и туркм. **кө:ре-** (ср.: русск. **гореть** – Э. И.) «разгораться, воспламеняться, загораться» (ср. тат., башк. **күйрә-** «загораться, тлеть» – тат. «гореть, тлеть, куриться» – башк.) и сопоставляется со ст.-тур. **kör-** «разжигаться» (об огне), **közmen** «лепешка, блинчик», тур. **gözleme** «блинчик»; азерб. **көзәр-** «расколяться» [Там же, с. 85-86].

¹ Статья, которая содержала эту информацию, была опубликована в начале 1970-х годов.

² Ср.: азерб. **göy-(nə-mə)**: 1) зуд; 2) жжение; 3) нытьё.

М. Фасмер, ссылаясь на некоторых языковедов, русск. **кузнец**, русск.-цслав. **кузньць** *talxēŭs*, от др.-русск., цслав. **кузнь**, а также русск. **кузница**, **кузня**, болг. диал. **кузня** – то же, учитывая разницу в суф. –**знь** и –**ица**, подчеркивает гомогенность со словами **ковать**, **кую** [14, с. 402], далее указывает на фоно-семантические параллели: укр. **ковати**, **кую**, ст.-слав. **ковати**, **коюж**, болг. **ковá** «кую», сербо-хорв. **kòвати**, **kŭjēm**, словен. **kováti**, **kújem**, чеш. **kouti**, **kuji**, словц. **kovat'**, польск. **kuć**, **kuje**, в.-луж. **kowaś**, н.-луж. **kowaś**. Он приводит параллели славянским вариантам из других европейских языков: лит. **káuti**, **káuju** «бить, ковать», лтш. **kaût**, **káuju**, др.-в.-н. **houwan** «рубить, наносить удары», лат. **cūdb** «бью, стучу, толку», ирл. **cuad** «бить, бороться» [Там же, с. 270].

П. Я. Черных тоже русск. **кузнец** возводит к словам с формантом **ков-** / **kov-** / ..., но определяет корень **ку-** (< о.-с. ***ku-**, аблаут ***kov-**) и прибавляет суффикс –**знь** (< о.-с. ***-zn-**), который он считает тем же, что в русск. **жизнь** и др., а слово **кузнец** – от основы **кузн-** и суффикса –**иц-** [17, с. 450]. Но, не высказывает определенного мнения касательно семантики основы **кузн-**.

Аргументированное обоснование фоно-дифференциации формантов **ков-** / на **куз-** у М. Фасмера, и **ку-** на ***kov-** у П. Я. Черных отсутствует. Есть основания утверждать, что русск. **кузнец**, согласно форманту **куз-**, который означает «желтый» – «золотой» гомогенен с тюрк. **kız-** «нагреваться», **köz** «зола», «уголь», **köz-ər-** «раскаляться», **küz** «горящий уголь», является лексической параллелью.

В различных фонетических формах слово **гөзел** / **гөзэл** / **гозэл** / **көзел** / **көзөл** / **көсөл** / **гүзел** / **гузал** в тюркских языках означает «красивый, прекрасный, прелестный, очаровательный, хорошенький, милостивый, прелесть», «красавица», «красота» и пр. Э. В. Севортян предполагает, что данное слово является отглагольным производным, с аф. -л, наряду с которым и в памятниках встречаются гомогенные образования с другими прилагательными словообразовательными показателями имен: **güzem** (< **güz -em**), **güsüm** (**güs – üm**) «милый, красивый, кокетливый», **gözen** (< **göz – en**) «милостивый, симпатичный, кокетливый», **г'өзчех** «красивый» и считается, что в приведенных примерах вычленяется глагол ***гөз-**, значение которого в данной статье не указывается. Приводится позиция М. Рэсэнена, который возводил **közöl köz ~ göz** «глаз», а А. Зайончковский – корень **kör (gör)** «видеть» / **köz (göz)** «глаз» [12, с. 63].

Материал, рассмотренный выше, дает полное основание утверждать, что общетюрк. **гөзел** / **гөзэл** / **гозэл** / **көзел** / **көзөл** / **көсөл** / **гүзел** / **гузал** / ... «красивый» восходит к общетюрк. **кызыл** / **qizil** / **кызыл** / ... «красный», форманты которых восходят к общетюрк. **көз** / **көс** / **көш** / ... «горящий», «тлеющий», «искра», «луч» и последние способствовали образованию перечисленных слов цветообозначения. Явным подтверждением сказанному являются слова **көз** «зола» ~ **гызыл** «красный» ~ **гөзэл** «красивый» и др. в тюркских языках, соответственно, **гореть** ~ **красный** ~ **красивый** и др. в славянских языках.

В результате сравнительно-типологического анализа слов цветообозначения «черный» и «красный» на материале алтайских, в основном, тюркских и индоевропейских – славянских языков, в рамках данной статьи, можно сделать следующие выводы:

- слова цветообозначения «черный» и «красный» в славянских и тюркских языках восходят ностратическому архетипу ***kar**, фоно-семантическими производными которого являются прототипы ***kar** / ***gar** / ***xar** / ***har** / ***čar** ;
- семантика древних цветообозначений, особенно «черный» и «красный» на современном уровне развития языков бинарна и состоит из двух бинарных сем – «положительной» и «отрицательной»;
- предметом-эталоном черного цвета был мрак, темнота, похолодание, неограниченность огромного пространства, опасность и, по этой причине, его оценочная сема была полярной: а) «великий», «огромный», «сильный», «могучий» – положительный и б) «страшный», «опасный», «плохой», «вредный» – отрицательный;
- предметом-эталоном красного цвета был огонь, в котором оценочная сема тоже носила полярный характер: а) «теплый», «красный», «красивый», «достойный», «святой» – положительный, и б) «горячий», «жгучий», «гроза», «угроза», «горе» – отрицательный.
- при сравнении производных рассматриваемого архетипа ***kar-** / ... цветообозначения в разносистемных языках, с фоно-семантической точки зрения, наблюдается больше близости между тюркскими и славянскими языками.

Настоящая статья является первой попыткой автора по теме цветообозначения. Но имеющийся фактический материал касательно слов цветообозначения в разносистемных языках актуален. Исследования в этом направлении продолжаются.

Список сокращений

авест. – авестийский
азерб. – азербайджанский
алб. – албанский
алт. – алтайский
англосак. – англосакский
араб. – арабский
аф. – аффикс
башк. – башкирский
блр. – белорусский
болг. – болгарский

бур. – бурятский
в.-луж. – верхнелужицкий
вост.-осет. – восточноосетинский
гот. – готский
греч. – греческий
диал. – диалект
др.-в.-н. – древневерхненемецкий
др.-инд. – древнеиндийский
др.-ир. – древнеиранский
др.-исл. – древнеисландский

др.-прусс. – древнепрусский	полаб. – полабский
др.-русс. – древнерусский	польск. – польский
др.-сербск. – древнесербский	прагерм. – прагерманский
др.-сканд. – древнескандинавский	праслав. – праславянский
др.-тюрк. – древнетюркский	русс. – русский
др.-чеш. – древнечешский	сербо-хорв. – сербохорватский
драв. – дравидийский	слвц. – словацкий
и.-е. – индоевропейский	словен. – словенский
ирл. – ирландский	сог. – согдийский
к.калп. – каракалпакский	ср.-греч. – среднегреческий
каз. – казахский	ст.-слав. – старославянский
кирг. – киргизский	ст.-тур. – старотурецкий
койб. – койбальский (диалект хакасского языка)	тат. – татарский
кыз. – кызыльский (диалект хакасского языка)	тоф. – тофаларский
лат. – латинский	тув. – тувинский
лит. – литовский	тур. – турецкий
лоб. – лобнанский	туркм. – туркменский
лтш. – латышский	тюм. – тюменско-татарский
монг. – монгольский	тюрк. – тюркский
народн. – народный	тюрк.-азерб – тюркско-азербайджанский
н.-луж. – нижнелужицкий	узб. – узбекский
нов.-исл. – новоисландский	укр. – украинский
нов.-перс. – новоперсидский	хак. – хакасский
ног. – ногойский	цслав. – церковнославянский
норв. – норвежский	чеш. – чешский
общетюрк. – общетюркский	чув. – чувашский
осм. – османский	шв. – шведский
перс. – персидский	шор. – шорский
персид. – персидский	якут. – якутский

Список литературы

1. Бахилина Н. Б. История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.
2. Берлин Б., Кей П. Основные цвета: их универсальность и видоизменения. М.: Знание, 1969. 169 с.
3. Василевич А. П., Кузнецова С. Н., Мищенко С. С. Цвет и названия цвета в русском языке. М.: Ком Книга, 2005. 216 с.
4. Григорьева Т. В., Хамидова А. Р. Оценочно-символический потенциал цветообозначений (на примере оппозиции б е л ы й – ч е р н ы й в русском языке) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31). Ч. II. С. 70-72.
5. Древнетюркский словарь / ред.: В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Ленинград: Наука, 1969. 676 с.
6. Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1964. 355 с.
7. Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). М.: Наука, 1971. 369 с.
8. Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект): автореф. дисс. ... д. филол. н. Челябинск: Гос. педагог. ун-т, 2010. 51 с.
9. Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 159-179.
10. Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб.: Императорская АН, 1899. Т. 2. 1814 с.
11. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М.: Наука, 1974. 767 с.
12. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы «В», «Г» и «Д»). М.: Наука, 1980. 395 с.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 573 с.
14. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1986. Т. 2. 671 с.
15. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 3. 831 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М.: Прогресс, 1987. Т. 4. 861 с.
17. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999. Т. 1. 622 с.
18. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М.: Русский язык, 1999. Т. 2. 560 с.
19. Шерцль В. И. О названиях цветов [Электронный ресурс] // Филологические записки. 1884. URL: <http://vni-id.ru/filzaps842.htm> (дата обращения: 16.03.2014).
20. Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд) / под ред. члена-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. М.: Наука, 1977. Выпуск 4. 235 с.
21. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы «Ж», «Ж», «Й») / ответств. ред. Л. С. Левитская. М.: Наука, 1989. 293 с.
22. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К») / составитель Л. С. Левитская. М.: Языки русской культуры, 1997. 363 с.
23. Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на букву «Қ») / ред. Л. Г. Офросимова-Серова, А. Дыбо, О. Н. Каменева. М.: Языки русской культуры, 1997. 261 с.
24. Aslanov V. Azərbaycan dilinin tarixinə dair tədqiqlər. Bakı: Elm, 2002. С. 1. 155 səh.

COLOR NAMING WORDS "BLACK" AND "RED" IN THE SLAVIC AND TURKIC LANGUAGES

Inandzh Etibar Saftar Ogly, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Azerbaijan National Academy of Sciences
etibar-inanc@mail.ru

The analysis object in the article is the words of color naming "black" and "red" mostly by the material of the Slavic and Turkic languages. The semantics of color-namings "black" and "red" is binominal and consists of two semes: positive and negative. The words of color naming "red" in different phono-semantic variants both in the Slavic and in Turkic languages are raised to the seme "beautiful", "wonderful", "magnificent" and so on. But this color naming is raised to the concept of fire, flame and sparkle. Formants of the words *red*, *black*, *cheremnyi* and Turkic *kara* «black», *kuren* «ginger», *kyzyl* «red» are homogeneous and are raised to the archetype *kar- (~*qar~*har~*xar~*čar~...). The prototypes of this archetype are fixed in the Ural-Altaic and Indo-European languages. The phono-semantic proximity is relatively higher between the Slavic and Turkic languages.

Key words and phrases: color naming; archetype; prototype; seme; model subject; homogeneous; binominal; nostratic.

УДК 81'322.4

Педагогические науки

В данной статье анализируется изучение иностранного языка студентами неязыковых специальностей в процессе самостоятельной работы. В качестве примера рассматривается «Портфолио студента» как одна из форм оценки творческих успехов и достижений изучающих иностранный язык. Использование портфолио в учебном процессе позволяет оценивать как учебные успехи и научные достижения студента, так и его готовность к профессиональной карьере. Авторы обращают внимание на положительный эффект, который оказывает билингвальное образование на процесс обучения иностранному языку и на контроль качества знаний студентов.

Ключевые слова и фразы: самостоятельная работа студента; формы и методы контроля знаний; «Портфолио студента»; билингвальное образование; обучение иностранному языку.

Кабанова Ольга Владимировна, к. пед. н., доцент
Терехова Галина Валентиновна, к. пед. н., доцент
Оренбургский государственный университет
e-teacher@mail.ru

**ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМИ
В ПРОЦЕССЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ[©]**

Согласно федеральному государственному образовательному стандарту высшего образования учебные планы и программы высших учебных заведений предусматривают следующие формы организации контроля знаний и умений студентов: контрольные работы, зачеты, тестирование, квалификационные испытания, защиту курсовых и дипломных проектов (работ), семестровые и переводные, а также государственные экзамены. Эти формы подразумевают итоговый контроль над полученными знаниями. В Оренбургском государственном университете предусмотрен также межсессионный контроль, который преподаватели проводят дважды в семестр до сессионного контроля. Данный вид контроля позволяет предположить некоторые результаты, которые мы можем получить на выходе, то есть на зачете. Нас заинтересовал промежуточный контроль знаний, полученных в процессе самостоятельной работы, так как по современным стандартам обучения студенты должны получать большую часть необходимых знаний именно в ходе самостоятельной работы над изучаемым материалом.

Характер контрольных заданий и информация, заключенная в них, определяют проверку знаний в различных формах итогового и промежуточного контроля. Все это требует от преподавателя вдумчивого, актуального отбора заданий, потому что «...преподаватель ориентируется на создание таких условий образовательного процесса, которые способствовали бы осознанию студентами необходимости самостоятельного приобретения и модернизации знаний, упорной работы по развитию и самосовершенствованию. Лозунг современного общества –learn – relearn – delearn» для преподавателя является призывом к личностному росту, непрерывному образованию, постоянному повышению квалификации» [1, с. 1538].

Одним из средств оценки творческих успехов и достижений студента, которое активно используется на занятиях, является «Портфолио студента». Можно выделить основные принципы составления студенческого портфолио:

1) систематизация достижений студента в аудиторной и самостоятельной деятельности. Отсюда следует, что эта деятельность для студента должна быть не только известной для него, но и важной, а также лично принятой. В этом случае портфолио подразделяется на тематическое или проблемное;